

Засодимский Павел Владимирович

Бывальщины и сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Бывальщины и сказки / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 236 с.

ISBN 978-5-519-85828-1

ISBN 978-5-519-85828-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Арфа звучала.

(Старинная легенда).

I.

наменитый мастеръ создалъ эту арфу.

Онъ добылъ для арфы самыя лучшія струны въ мірѣ, самыя звучныя, самыя чуткія и отзывчивыя. Для отдѣлки ея онъ досталъ прекрасное, блестящее черное дерево и украсилъ его только крупными перламутровыми звѣздами. Прекрасна, проста и изящна была эта арфа. Творецъ ея былъ великій артистъ,—старикъ высокаго роста, могучій, съ величавою осанкой. Густые сѣдые волосы, какъ серебристымъ сіяньемъ окружали его большой, открытый лобъ. Старикъ уже давно задумалъ создать такую арфу, чтобы всѣ—народы и цари—заслушались ее.

Онъ долго трудился надъ нею. Наконецъ наступилъ тотъ часъ, когда арфа явилась на свѣтъ. Всю послѣднюю ночь, глазъ не смыкая, работалъ надъ нею старикъ...

— Кончилъ!—со вздохомъ, проговорилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

Въ растворенное окно уже брезжилъ разсвѣтъ, и до тѣхъ поръ красный огонь ночника казался на сѣромъ фонѣ комнаты желтымъ, мигающимъ пятномъ. Съ

любовью и съ тихою грустью старикъ смотрѣлъ на арфу, смотрѣлъ долго-долго, потомъ бережно взялъ ее и подошелъ съ нею къ окну. Въ ту минуту свѣжій утренній вѣтерокъ, съ проблескомъ разсвѣта ворвавшись въ комнату, задулъ едва мигавшее пламя ночника... Слегка опершись арфой на подоконникъ, старикъ посмотрѣлъ на Божій міръ, широко и далеко разстилавшійся передъ нимъ.

Утро занималось надъ землею. Свѣтлая полоска горѣла на востокѣ. Но земля еще спала, вся погруженная въ неясныя, синеватыя тѣни; спалъ городъ, спали деревни, поля, лѣса, даже, казалось, спала рѣка и, словно спресонокъ, тихо плескалась въ своихъ берегахъ... Полоска на востокѣ разгоралась все ярче и ярче; голубое небо уже свѣтлѣло надъ землею. А на землѣ все было еще тихо...

— Иди въ міръ!—вслухъ промолвилъ старикъ, обращаясь къ арфѣ, какъ къ живому существу.—Я создалъ тебя на благо людямъ, на радость и утѣшеніе имъ. Пусть они, слушая тебя, дѣлаются лучше, добрѣе; пусть становится свѣтлѣе у нихъ на душѣ! Послужи имъ, сдѣлай ихъ счастливыми!

Попрежнему все было тихо и въ небесахъ и на землѣ. Словно совершалась какая-то тайна... Только листья на деревьяхъ слегка дрогнули и зашелестѣли подъ дуновеньемъ передутренняго, перелетнаго вѣтерка. Старикъ легко провелъ пальцами по струнамъ—и арфа ожила. Первый звукъ, трепетно сорвавшійся съ ея струнъ, походилъ на легкій вздохъ. Тихо, чуть слышно пронесся онъ надъ землею... Откинувъ волосы, старецъ вдохновенно посмотрѣлъ на сіявшія небеса и тихо, какъ бы про себя, заигралъ на арфѣ прекрасный, радостный гимнъ, такой же свѣтлый и ясный, какъ то ясное лѣтнее утро, что загоралось надъ землею.

Солнце блеснуло на горизонтѣ и золотисто-розовымъ свѣтомъ обдало небо и землю. Арфа звучала все громче и громче. Теперь ея звуки уже разливались могучей волной; они словно неслись навстрѣчу къ

вѣчному свѣтилу, въ огнѣ, въ багрянцѣ, въ лучезарномъ блескѣ всходившему надъ міромъ. Побѣдные, торжествующіе звуки свободно разносились въ воздухѣ, прославляя Солнце, Свѣтъ и Жизнь...

Замерли дивные звуки... Солнце взошло. Земля пробуждалась, листья на деревьяхъ слышнѣе зашеле-стѣли, цвѣты поднимали свои за ночь поникшія головки, трещали насѣкомыя и птички пѣли; стозвучная музыка неслась отовсюду—съ полей, съ луговъ, изъ зеленой лѣсной тѣни... То—жизнь заговорила, и не слыхалъ въ то утро ея говора только тотъ, кто спалъ въ темной могилѣ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ. Все живое, казалось, радовалось, ликовало, празднуня появленіе на свѣтъ чудесной арфы... Старикъ, стоявшій у своего высокаго, открытаго окна, былъ совершенно доволенъ дѣломъ рукъ своихъ. Со слезами на глазахъ посмотрѣлъ онъ на арфу, приблизилъ ее къ себѣ и, счастливый, взволнованный, нѣжно прильнулъ устами къ ея струнамъ. Въ порывѣ восторга онъ цѣловалъ арфу...

— Ты прекрасна, моя арфа!—шепталъ онъ съ любовью, склоняясь надъ нею.—Но... ты слишкомъ чутка, воспріимчива, ты—слишкомъ нѣжна, моя арфа! Я уже старъ, мнѣ недолго играть на тебѣ. А тебѣ, можетъ статья, предстоитъ еще долгая жизнь... Хорошо, если ты попадешь въ руки человѣка, такого же чуткаго, нѣжнаго сердцемъ, какъ ты сама! А если тебя захватятъ чьи-нибудь грубыя лапы?... Вѣдь тогда не будутъ беречь тебя, какъ я... Тогда стануть не пальцами перебирать по твоимъ туго натянутымъ, отзывчивымъ струнамъ, будутъ, пожалуй, кулакомъ стучать по тебѣ... Кулакомъ!.. когда самое легкое прикосновеніе заставляетъ тебя всю дрожать... Боюсь, что тебя не поймутъ и не оцѣнятъ.

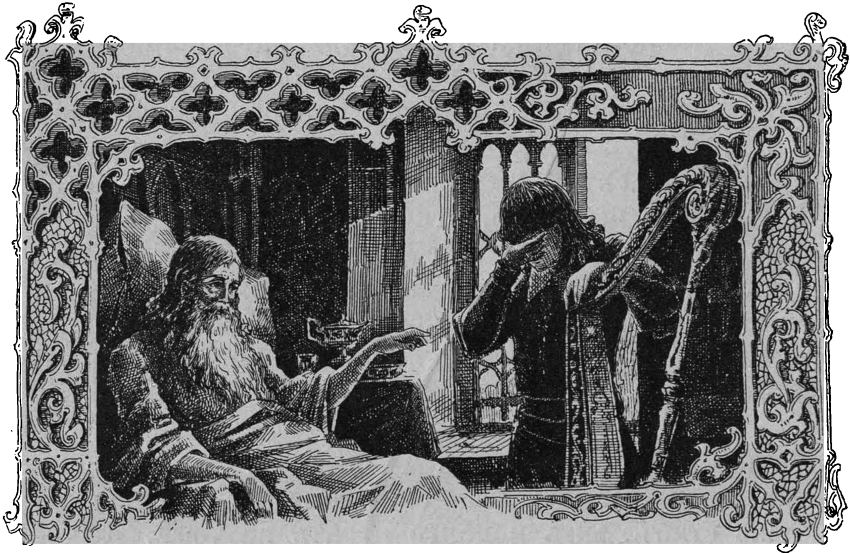
Старикъ задумчиво поникъ головой.

— Не знаю, что сдѣлають изъ тебя люди и какъ они стануть обращаться съ тобой...—немного помолчавъ, со вздохомъ проговорилъ онъ.—Можетъ-быть, они

искалѣчать тебя, разобьютъ, оборвутъ твои нѣжныя струны... Но теперь ты все-таки иди къ нимъ, послужи имъ... Ты должна итти!.. Я знаю, кому завѣщать тебя передъ смертю. Я отдамъ тебя Ивону.

При жизни старика изъ арфы извлекались только высокіе, торжественные звуки.

Умирая, старикъ дрожащими руками передать арфу своему любимцу, юношѣ Ивону.

— Играй на ней все хорошее, все, что хочешь...— прошепталъ онъ, съ усиліемъ взглядывая своими угасавшими очами на румяное юношеское лицо, склонившееся надъ его изголовьемъ.—Только не извлекай изъ нея фальшивыхъ нотъ... Эти ноты рѣжутъ слухъ... И не трещи на ней безъ-толку! Пусть каждый добрый ея звукъ—грустный или свѣтлый—будетъ внятенъ людямъ и вызоветъ отголосокъ въ чей-нибудь душѣ: въ душѣ ли блуднаго или добродѣтельнаго сына—все равно... Для этой арфы—нѣтъ отечества, нѣтъ „чужихъ“, нѣтъ „язычниковъ“. Весь міръ—ея отечество, и всѣ люди для нея—„свои“... Ивонъ! исполнишь мой завѣтъ?

— Да!—промолвилъ юноша.

Старикъ съ усиленіемъ приподнялся и, дрожащей костлявой рукой указывая на небо, прошепталъ:

— Помни!

Въ предсмертномъ бреду горячія уста его шептали съ мольбой: „Больше любви! Люви!..“

И съ этими словами умеръ старикъ.

II.

Ивонъ полюбилъ арфу, хранилъ ее, какъ благословеніе умирающаго старца, и съ почетомъ держалъ ее въ переднемъ углу своей комнатки, подъ старымъ, потемнѣвшимъ распятіемъ. Ивонъ былъ красивый здоровый юноша съ русыми шелковистыми кудрями, съ цвѣтущимъ румянымъ лицомъ и съ кроткими карими глазами. Въ этихъ глазахъ свѣтилась добрая, сильная, любящая душа, готовая ради ближнихъ на всякія жертвы. Каждая хорошая дѣвушка желала бы сдѣлаться женою Ивона, каждый почтенный старикъ и старушка желали бы назвать его своимъ сыномъ... Старикъ зналъ, кому передавалъ свою арфу. Если бы онъ прожилъ еще сто лѣтъ, то все-таки не нашелъ бы человѣка, болѣе достойнаго обладать его чудесной арфой.

Ивонъ воспѣвалъ природу, ея вѣчныя, неувядаемыя прелести, и въ звукахъ арфы какъ бы слышался шелестъ деревьевъ, сладостное дуновенье вѣтерка, тихое журчанье источника и пѣнье птицъ лѣсныхъ... Но Ивонъ воспѣвалъ не одну природу. Онъ пѣлъ о любви, о братствѣ, о мирѣ всего міра, о дружной, единоклюнной работѣ „всѣхъ для всѣхъ“,—словомъ, пѣлъ о томъ, что навѣваютъ на всякую чуткую, благородную душу юношескія, золотыя мечты. Пѣснь его была поэтична. Много страсти, много святого увлеченія было въ его игрѣ; фальшивыхъ нотъ не прорывалось и не слышалось безтолковой трескотни.

Нѣжно, любовно звучала арфа въ его рукахъ. И старъ и малъ заслушивались ея. Даже жесткіе, черствые люди, казалось, дотолѣ жившіе на свѣтѣ только для одного зла, на горе ближнимъ и себѣ, приходили отъ нея въ восторгъ и умиленье... Въ потемки самой порочной души арфа вносила свѣтъ и радость, раздувая искру Божію, невидимо для людей тлѣвшую въ нихъ подъ пепломъ всякой житейской мерзости.

Человѣкъ, заносившій руку на ближняго, слышавъ арфу, вдругъ останавливался и, поникнувъ головой, шелъ въ сторону, словно преслѣдуемый страшнымъ вопросомъ: „Что хотѣлъ ты сдѣлать съ братомъ своимъ?“ Скряга, слышавъ звуки арфы, подзывалъ къ себѣ нищаго, за минуту передъ тѣмъ прогнаннаго отъ его порога, и давалъ ему, не считая, цѣлую пригоршню денегъ. Храбрый воинъ, въ бояхъ посѣдѣлый, приготавливавшій оружіе къ битвѣ и уже мысленно рубившій враговъ своимъ тяжелымъ, острымъ мечомъ, слышавъ арфу, съ глубокимъ вздохомъ оставлялъ свой блестящій мечъ и щитъ. Мудрецъ, ученый, цѣлые годы не отрывавшійся отъ заплѣсневѣлыхъ книгъ, самъ заплѣсневѣвшій надъ ними и позабывшій изъ-за нихъ весь міръ, при звукахъ арфы невольно поднималъ голову; сѣдая, нахмуренная брови его расходились, разглаживались глубокія морщины,—и этотъ ветхій старикъ, желтый, какъ пергаментъ, сухой, какъ египетская мумія, вдругъ улыбался и начиналъ тихо напѣвать ту пѣсенку, что въ далекіе годы дѣтства надъ его колыбелью пѣвала мать. Старикъ плакалъ... Страдалецъ въ звукахъ арфы находилъ отраду, своей скорби—утоленіе. Счастливый при звукахъ ея всѣмъ сердцемъ, всѣми силами души своей желалъ сдѣлать всѣхъ окружающихъ довольными и счастливыми...

Для Ивона наступила' благодатная пора. Онъ любилъ и былъ любимъ. Вероника, подруга его дѣтскихъ лѣтъ, сдѣлалась его невѣстой.

Однажды въ прелестный, праздничный, лѣтній день Ивонъ надѣлъ свой нарядный бархатный камзолъ, маленькую шапочку съ перомъ, разсыпалъ по плечамъ свои шелковистые кудри и, взявъ арфу, отправился съ невѣстой за городъ. Вероника была дивно хороша въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ своими роскошными бѣлокуроыми волосами, свитыми на головѣ въ видѣ короны; ея голубые глаза словно отражали въ себѣ голубое сіяющее небо, а бѣлоснѣжныя щеки ея алѣли такимъ нѣжнымъ розовымъ румянцемъ, какъ будто на нихъ почивалъ отсвѣтъ зари. Всѣ встрѣчавшіеся съ ними на улицѣ, невольно останавливались, любовались на жениха и невѣсту и долго смотрѣли имъ вслѣдъ. И они исчезали въ золотистой дали, какъ свѣтлое видѣнье, на мигъ слѣвавшее съ неба въ эти темныя узкія улицы.

Взявшись за руки, проходили они по тѣнистымъ рощамъ, по цвѣтушимъ, сладко пахнущимъ лугамъ, наконецъ, вышли на берегъ рѣки и здѣсь, подъ кустомъ зеленѣющей ивы, опустились на траву. Арфа покоилась между ними... Тихій часъ насталъ. Вероника сидѣла, обхвативъ колѣно руками, и, склонивъ слегка головку, задумчиво, мечтательно смотрѣла вдаль. А Ивонъ, скинувъ шапочку, полулежа облокотился о землю рукой и любовался на узорчатый листъ папоротника. Свѣсившіеся русые кудри бросали тѣнь на его красивое лицо.

— Здѣсь растутъ крупныя незабудки! — промолвилъ Ивонъ. — Я нарву ихъ и сдѣлаю изъ нихъ вѣнокъ. Этотъ вѣнокъ изъ голубыхъ цвѣточковъ будетъ чудо какъ хорошъ на бѣлокурыхъ волосахъ моей Вероники...

Дѣвушка ничего не сказала, только улыбнулась и ласково посмотрѣла на него. Скоро вѣнокъ былъ готовъ, и Ивонъ съ поцѣлуемъ надѣлъ его на свою невѣсту.

Такъ свѣтло и ясно, такъ мирно начавшійся день разразился къ вечеру страшною грозой. Молодые люди

не замѣтили, какъ подкрались черныя тучи, заслонили солнце и быстро заволокли все небо. Громъ гремѣлъ, и яркія молніи прорѣзывали сгустившійся надъ землею мракъ. Буря мигомъ налетѣла съ ревомъ и воемъ. При свѣтѣ вспыхивавшихъ молній видно было какъ кусты ивъ низко стлались по землѣ, а высокія деревья трещали и гнулись отъ вѣтра, раскачивая изъ стороны въ сторону свои темныя вершины. Крупными каплями сталъ накрапывать дождь. Ивонъ схватилъ въ одну руку арфу, въ другую—невѣсту и хотѣлъ бѣжать въ хижину пастуха, чтобы тамъ переждать непогоду. Но въ это самое мгновеніе страшная молнія загорѣлась въ облакахъ; казалось, разверзлись небесныя выси и посылали на грѣшную землю цѣлые потоки огня...

Ивонъ невольно оглянулся на рѣку и при свѣтѣ горѣвшей молнии увидалъ тамъ—посреди кипящихъ волнъ—утлую рыбацью лодку. Напрасно лодка старалась пробиться къ берегу: бушующія волны крутили ее, какъ щепку, всю обдавая бѣлой пѣной. Люди, бывшіе въ лодкѣ, въ отчаяніи простирали руки къ берегу, моля о помощи, но криковъ ихъ не было слышно изъ-за громовыхъ раскатовъ бури и изъ-за треска ломавшихся деревьевъ... Ивонъ въ ту же минуту оставилъ руку невѣсты, скинулъ съ себя камзолъ, шапку, подалъ арфу Вероникѣ и быстро сбѣжалъ съ берега. Вероника страшно поблѣднѣла.

— Куда?—едва могла промолвить ему вслѣдъ испуганная дѣвушка.

— Подожди! Я сейчасъ возвращусь!—крикнулъ онъ ей въ отвѣтъ, бросаясь въ воду.

Не успѣлъ онъ еще отплыть отъ берега, какъ лодка опрокинулась подъ напоромъ налетѣвшаго вихря и исчезла въ темныхъ волнахъ. Ивону удалось схватить въ водѣ какую-то женщину,—онъ вытащилъ ее на берегъ. Потомъ онъ спасъ рыбака и другого... но когда попылъ за третьимъ, за послѣднимъ, силы измѣнили ему,—и онъ пропалъ въ кипящей пучинѣ...

Вероника, при синеватомъ свѣтѣ молній видѣла какъ онъ боролся съ волнами, какъ онъ съ усиліемъ въ послѣдній разъ поднялъ надъ водой свое блѣдное лицо съ прилипшими къ нему мокрыми кудрями; видѣла, какъ потомъ на мгновенье еще мелькнула изъ волнъ его бѣлая рука,—и все было кончено...

Люди, спасенные Ивономъ, горячо благодарили Небо за избавленіе отъ смерти.

III.

Буря попрежнему ревѣла, и громъ грохоталъ. Но Вероника уже ничего не видала и не слыхала. Какъ стояла она, такъ, казалось, и застыла, замерла въ своей выжидающей позѣ. Она не чувствовала, какъ дождь мочилъ ее и холодныя капли его катались по ея лицу, какъ слезы текли по щекамъ, падали ей на руки, на грудь. Ея мокрые волосы растрепались отъ вѣтра, полураспустившійся вѣнокъ изъ незабудокъ зеленой гирляндой лежалъ на ея головѣ; ея бѣлое, легкое платье промокло насквозь... Неподвижно стояла Вероника, какъ прекрасная статуя, крѣпко прижавъ арфу къ груди, склонивъ голову и съ невыразимымъ ужасомъ, напряженно смотря широко-раскрытыми глазами туда, внизъ, на рѣку—на то мѣсто, гдѣ, посреди кипящихъ волнъ, она видѣла въ послѣдній разъ своего милаго.

Рыбаки съ трудомъ заставили ее сдвинуться съ мѣста и пойти съ ними въ хижину пастуха.

— Смотри, ты вся мокрая... занеможешь—умрешь!—говорили ей эти добрые люди.

— Умрешь!—прошептала она, какъ эхо, и вдругъ громко и дико расхохоталась.—Ахъ, да... умрешь!.. А не правда ли: очень милъ этотъ вѣнчекъ?—заговорила она, обращаясь къ рыбакамъ.—Эти глубенькіе цвѣты очень идутъ къ его Вероникѣ. Не такъ ли?

Буйнымъ безумнымъ огнемъ горѣли ея глаза до той поры такіе кроткіе и спокойные.

Когда привели ее въ хижину, она долго сидѣла, понурившись, но вдругъ сняла съ себя распутившійся вѣнокъ и стала внимательно разсматривать его. Она перебрала его весь по цвѣточку, и все время какая-то необыкновенно жалостливая улыбка блуждала по ея губамъ. Окружавшіе, смотря на Веронику, тихо плакали...

— Ивонъ сказалъ: „Подожди... Я сейчасъ возвращусь!“—шептала дѣвушка, прикладывая руку ко лбу и какъ бы стараясь что-то припомнить.—Да! Точно... Ивонъ сказалъ: „Я возвращусь!“ А его все нѣтъ...

Послѣднія слова она проговорила тихо, но такимъ раздражающимъ тономъ, что женщина, стоявшая около Вероники, не выдержала.

— Не жди, голубка!—сказала она, положивъ ей на плечо свою грубую, тяжелую руку.—Онъ ужъ не придетъ къ тебѣ больше. Утонулъ твой милый!

Вероника вздрогнула, точно откуда-то холодомъ подуло на нее.

— А ты лучше одумайся!—промолвилъ старый рыбакъ, наклоняясь къ ней.—Не сиди такъ... ужъ лучше плачь... плачь, дитятко! Легче будетъ...

Она схватила арфу и заиграла. Въ игръ ея вылилось такое отчаяніе и такое жгучее сердечное горе, что даже сама арфа дрогнула и зарыдала подъ ея лихорадочно дрожащими пальцами.

Съ той минуты, какъ Вероника увидала въ послѣдній разъ надъ волнами бѣлую руку Ивона, разсудокъ ея помутился навсегда...

Буря промчалась, мракъ миновалъ; яркое солнце свѣтило съ лазури... А Ивонъ съ блѣднымъ лицомъ лежалъ неподвижно на песчаномъ рѣчномъ днѣ, между сѣрыми камнями и разноцвѣтными раковинами,—и густыя, цѣпкія водоросли, какъ зеленымъ саваномъ, обвивали его, перепутавшись съ его русыми шелковистыми кудрями.